

III.

Прекращеніе кровавой и упорной борьбы за свободу вѣроисповѣданія въ половинѣ XVII столѣтія составляетъ великій рѣшительный моментъ въ исторіи новоевропейскаго міра. Вестфальскій договоръ окончательно подорвалъ средневѣковой авторитетъ императорской и папской власти, разрушилъ религіозное единство Запада и основалъ новый союзъ между государствами на началахъ самостоятельности, равновѣсія и признанія территоріальныхъ правъ (*status quo*). Народамъ открылся теперь широкій путь къ свободному, всестороннему развитію; богословскіе вопросы были отодвинуты назадъ; интересы политическіе и матеріальные заняли первое мѣсто; мореплаваніе, колонизація и торговля умножили источники богатства, связали крѣпкими узами образованное человѣчество и сдѣлались могущественными двигателями прогресса. Общественный бытъ послѣ Тридцатилѣтней войны видимо измѣнился: среднее сословіе приобрѣло большой вѣсъ; въ массахъ обнаружился независимый духъ; феодальныя учрежденія не соответствовали болѣе требованіямъ вѣка. Всѣ сознавали необхо-

димость гражданскихъ реформъ, другаго государственнаго порядка; отовсюду слышались жалобы на злоупотребленія и беззаконія. Уже на Вестфальскомъ конгрессѣ начертаны были основанія новой конституціи для Германской имперіи; около того же времени Англія испытала страшную революцію и переработала свои коренныя постановленія; въ другихъ странахъ также были предприняты нѣкоторыя важныя преобразованія. Къ несчастію, безпрестанныя войны между великими державами и династическіе споры отвлекли вниманіе правительствъ отъ внутренней политики; дѣло устроенія шло медленно, вяло, какъ бы урывками, безъ системы. Чтобы довершить политическое обновленіе континентальной Европы и рушить обветшалое зданіе средневѣковаго государства, нуженъ былъ всеобщій переворотъ. Дѣйствительно, въ концѣ XVIII столѣтія во Франціи разразился обильный послѣдствіями кризисъ: онъ повлекъ за собою повсемѣстное паденіе феодальныхъ учрежденій, ниспровергъ систему государствъ и произвелъ радикальныя перемѣны въ общественной жизни Запада.

Итакъ неудивительно, что рассматриваемый періодъ времени въ особенности отмѣченъ творческою дѣятельностію мысли. То духовное движеніе, которое началось съ открытіемъ памятниковъ классической литературы и продолжалось въ эпоху реформаціи, приняло теперь самыя обширныя размѣры. Порѣшивъ богословскіе вопросы, усвоивъ себѣ результаты древней науки, христіанскіе народы приступили смѣло къ самостоятельной разработкѣ идей по всѣмъ отраслямъ знанія; умъ, не стѣсненный болѣе оковами преданія и авторитета, созналъ свою силу и высказалъ свободный взглядъ на жизнь. Бэконъ и Декартъ, почти въ одно и то же время, явились представителями новой философіи. Благодѣтельное ея вліяніе оказалось прежде всего въ наукахъ политическихъ; античныя и теократическія понятія о государствѣ были замѣнены ученіемъ, болѣе согласнымъ съ характеромъ европейскихъ народовъ и съ достоинствомъ человѣка; по разнымъ частямъ законодательства и управленія были предприняты глубокія изысканія. Чѣмъ болѣе расширялась сфера опыта и размышленія, тѣмъ скорѣе открывались новыя, нетронутыя стороны общественной жизни, тѣмъ живѣе чувствовалась потребность въ спеціальной обработкѣ разныхъ предметовъ. Такимъ образомъ, наука о государствѣ распалась на нѣсколько частей; каждая изъ нихъ

постепенно становилась независимою и однакоже была тѣсно связана съ другими, потому что въ основаніи всѣхъ лежали одни и тѣ же начала.

Главнымъ руководителемъ политической мысли въ XVII столѣтіи былъ Бэконъ. Хотя онъ не занимался спеціально государственными науками, но сообщилъ имъ направленіе и указалъ методу, которой должно было слѣдовать. У писателей, которые въ то время занимались наукою правленія, Бэконъ находить существенные недостатки: «Они разсуждаютъ о законахъ какъ философы, или какъ юристы, а не какъ государственные люди. Философы строятъ идеальныя общества, идеальный порядокъ; ихъ мысли, какъ звѣзды, даютъ мало свѣта, потому что слишкомъ возвышенны; что же касается до юристовъ, они строго слѣдуютъ принятымъ въ извѣстномъ государствѣ законамъ и не доискиваются высшихъ началъ. Между законодателемъ и законовѣдцемъ большая разница. Въ природѣ вещей есть извѣстные источники справедливости, изъ которыхъ, подобно рѣкамъ, текутъ всѣ гражданскіе уставы; эти уставы бываютъ различны, смотря по странѣ и правительству, подобно тому какъ воды принимаютъ особенный цвѣтъ и вкусъ отъ почвы, чрезъ которую проходятъ. Мудрость законодателя состоитъ не только въ пониманіи справедливости, но и въ ея примѣненіи... Онъ долженъ, такъ сказать, одухотворить законъ.» Согласно съ этимъ Бэконъ требуетъ отъ политика разностороннихъ познаній: «Ему должно быть хорошо извѣстно все, чего требуютъ человѣческое общество, народное счастье, справедливость, форма правленія, образъ жизни и характеръ націи.» Ученіе о всеобщей правдѣ онъ считаетъ основаніемъ науки о государствѣ и раздѣляетъ ее на двѣ главныя части: публичное право и экономику; къ первому у него отнесены вопросы политическаго устройства, религіи, военныхъ дѣлъ и благочинія; вторая имѣетъ предметомъ народное богатство и благосостояніе (1). Дѣятельность правительства, по мнѣнію знаменитаго канцлера, не ограничивается защитою правъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ; оно обязано не только ограждать своихъ подданныхъ отъ обидъ, но и способствовать ихъ счастью посредствомъ мудрыхъ и твердыхъ законовъ. Впрочемъ, расширяя цѣль государства, Бэконъ былъ далекъ отъ

(1) De dignitate et augmentis scientiarum L. VIII, cap. 1, 3.

желанія принести ему въ жертву всё интересы общества, всю земную жизнь человѣка; напротивъ, въ понятіи о верховной власти онъ высказываетъ довольно ясныя юридическія стремленія и считаетъ политическія науки только за отдѣльныя вѣтви гражданской философіи (*philosophia civilis*), которая занимается объясненіемъ всѣхъ существующихъ между людьми союзовъ и отношеній (1).

Философія Бэкона была приложена къ политическимъ наукамъ съ половины XVII вѣка и распространилась сначала въ Англіи, а потомъ въ другихъ странахъ. Подъ ея вліяніемъ преимущественно вырабатывались новыя идеи о государствѣ до французской революціи; ученіе Декарта сначала не имѣло такого успѣха и приобрѣло послѣдователей нѣсколько позже; идеализмъ взялъ перевѣсъ уже тогда, когда найдены были путемъ эмпирическаго наблюденія извѣстныя истины, когда внѣшняя, видимая сторона человѣческой природы и общественной жизни была раскрыта. Всѣмъ этимъ наука неоспоримо обязана Бэкону: онъ сообщилъ публицистамъ положительный взглядъ на предметъ, показалъ имъ необходимость опыта, правильнаго наблюденія и оцѣнки фактовъ. Съ помощію его методы можно было достигнуть точныхъ выводовъ. Всѣ первые представители этой философіи отличались осторожностію, практическимъ тактомъ, вѣрнымъ взглядомъ на явленія гражданской жизни и твердостью доказательствъ. Только въ послѣдствіи, именно въ половинѣ XVIII столѣтія, нѣкоторые изъ нихъ увлеклись одностороннимъ направленіемъ, отступили отъ основныхъ началъ своего учителя и дошли до крайняго матеріализма, или сдѣлались скептиками; но, говоря вообще, философія Бэкона принесла большую пользу, дѣйствовала благотворно, можно сказать даже, произвела переворотъ въ политическихъ понятіяхъ. Мы намѣрены прослѣдить здѣсь, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, развитіе основнаго ученія о государствѣ и представить главные результаты, добытые этою школою.

Мы уже говорили о значеніи греческихъ и римскихъ писателей въ исторіи политическаго образованія. Они были, какъ извѣстно, отъ самаго начала среднихъ вѣковъ, наставниками народовъ, и своими глубокими изслѣдованіями облегчили развитіе новоевропейской

(1) Ibid. Lib. IV, cap. 1.

науки. Но чѣмъ глубже будемъ мы всматриваться въ «Республику» и «Законы» Платона, или въ «Политику» Аристотеля, тѣмъ болѣе убѣдимся, что ихъ понятія связаны съ воззрѣніемъ античнаго міра на жизнь и совершенно несогласны съ идеями христіанства. «Въ древности, говоритъ Мольте, человѣческая личность, сама по себѣ, не пользовалась уваженіемъ; только гражданинъ могъ имѣть вліяніе на политическія дѣла и участвовать въ управленіи; напротивъ, иностранцы лишены были всѣхъ правъ; трудящіеся классы обращены въ подчиненное состояніе; невольники подавлены, такъ сказать, самою природой. Государство тогда поглащало въ себѣ всю общественную жизнь; граждане считались органическими членами этого тѣла и не имѣли самобытной цѣли въ жизни. Въ то время не государство существовало для людей, но люди для государства; только отъ счастья отечества зависѣло счастье отдѣльнаго лица... Къ этому должно присоединить еще смѣшеніе права и нравственности у всѣхъ древнихъ писателей; они не ограничиваютъ дѣятельности правительства чисто юридическою областью, но даютъ ему полное право вторгаться во внутреннюю жизнь человѣка» (1). Эта политическая теорія совершенно не согласовалась съ характеромъ германскихъ народовъ и новой религіи. Варвары, разрушившіе Западную Римскую имперію, принесли съ собою живое чувство человѣческой свободы и независимости; христіанство внушило имъ высокое понятіе о личности и соединило ихъ догмою братства; государство сдѣлалось для нихъ чисто юридическимъ учрежденіемъ, въ которомъ нерѣдко разныя племена соединялись и жили, каждое подъ владычествомъ своего національнаго закона. Правда, въ послѣдствіи, при вліяніи богословскихъ системъ и при стремленіяхъ къ единству, эти идеи были нѣсколько потемнены въ сознании: на общество всѣ начали смотрѣть съ теократической точки зрѣнія,—но это увлеченіе продолжалось лишь до конца среднихъ вѣковъ. Когда дуализмъ императорской и папской власти оказался несостоятельнымъ, и свобода совѣсти была спасена, — государство снова отдѣлилось отъ церкви и обнаружило свой первобытный германско-христіанскій характеръ. Прошло однакоже много времени прежде нежели публицисты опредѣлили ясно его существенныя, основныя

(1) *Mohl Geschichte der Staatswissenschaften*, I, 221, 222.

черты; сочувствуя абсолютизму въ его борьбѣ съ анархіею, или подчиняясь авторитету классическихъ писателей, они упорно держались античнаго взгляда и, повидимому, не сознавали, что онъ противорѣчитъ духу германскихъ народовъ. Не одни схоластики, даже гениальный Макиавелли впалъ въ эту ошибку. Новоевропейское воззрѣніе начало вырабатываться въ наукѣ не ранѣе, какъ съ половины XVII вѣка, школою Бэкона. Первымъ его представителемъ можно считать Гуго де-Грота, основателя философіи права. Мы уже имѣли случай разбирать знаменитую книгу этого писателя о правѣ войны и мира (1). По мѣткому выраженію Россбаха, «въ ней содержатся не только зрѣлые плоды прошедшаго, но и сѣмена будущаго» (2), именно зародыши идей, на которыхъ построена юридическая теорія государства. При всей привязанности своей къ древнимъ, голландскій публицистъ однакоже не сочувствовалъ ихъ понятіямъ о происхожденіи и цѣли политическихъ обществъ, но высказалъ совершенно оригинальный, независимый взглядъ на этотъ предметъ. По его мнѣнію, люди могутъ устроить мирно постоянный и разумный союзъ между собою не иначе, какъ на началахъ взаимнаго правоуваженія. Для этого необходимо признать верховную власть и извѣстный порядокъ, что происходитъ не иначе, какъ съ согласія членовъ; они даютъ избранному правительству торжественное обѣщаніе вѣрности и повиновенія. Такимъ образомъ договоръ, по воззрѣнію Грота, не только форма происхожденія государства, но и юридическое основаніе его. Хотя Гротъ не раскрылъ своего ученія въ полнотѣ и ясности, даже нѣсколько запутался въ подробностяхъ, тѣмъ не менѣе оно замѣчательно оригинально; ничего подобнаго нельзя найти у прежнихъ писателей. Государство является здѣсь произведеніемъ самостоятельной и разумной воли человѣка, чисто юридическимъ органомъ,—разсматривается съ формальной стороны; дѣятельность его до послѣдней степени ограничена; свобода гражданъ остается неприкосновен-

(1) См. статью вторую (Руск. Вѣстн., августъ, кн. I). Извѣстно, что Гротъ писалъ свое сочиненіе если не подъ философскимъ вліяніемъ Бэкона, то по его внушенію и совѣту.

(2) *Rosbach die Perioden der Rechtsphilosophie* § 107 (Regensburg, 1842).

ною; образъ правленія опредѣляется, смотря по обстоятельствамъ и пользѣ, ожидаемой отъ тѣхъ или другихъ учреждений. Основные идеи Грота были развиты Ульрихомъ Губеромъ (1) и мало-по-малу приняты всѣми европейскими народами. Прежде всего онъ приобрѣли практическій смыслъ въ Англіи, гдѣ революція обратила вниманіе всѣхъ лучшихъ умовъ на вопросы о происхожденіи, цѣли и устройствѣ государства. Здѣсь собственно началась разработка политическихъ наукъ по методу Бэкона; отсюда уже были переданы потомъ результаты знанія на континентъ Европы. Главнымъ защитникомъ теоріи договора былъ *Томасъ Гоббесъ*, авторъ сочиненій «О гражданинѣ» (*De cive*, 1642) и «О власти церковной и гражданской» (*Leviathan*, 1651). Онъ, хотя расходится съ Гротомъ въ понятіяхъ о природѣ человѣческой, именно признаетъ главнымъ побужденіемъ къ основанію государства не общительность (*appetitus societatis*), а страхъ и недовѣріе людей другъ къ другу, но, строго говоря, смотритъ почти одинаково на происхожденіе верховной власти. По его мнѣнію, она возникаетъ по договору, въ силу котораго граждане отдаютъ въ полное ея распоряженіе себя и всѣ свои права. Такой договоръ есть актъ всеобщей воли; онъ заключается на вѣчныя времена и безвозвратно. Послѣдній выводъ Гоббеса, явно направленный въ защиту Стюартовъ, нашелъ мало сочувствія въ Англіи, но самая идея общественнаго договора (*social compact*) перешла въ сознаніе народа. За нее ратовали поэтъ Мильтонъ въ своихъ огненныхъ памфлетахъ противъ Сальмазія (*defensio populi Anglicani* и др.), Альджернонъ Сидни и Локкъ. Особенную популярность между политическими писателями приобрѣлъ Локкъ; его «Два трактата о правленіи» (1680) сдѣлались какъ бы кодексомъ для гражданъ. Локкъ считалъ свободу и равенство врожденными человѣку правами; только желаніе обезпечить для себя эти блага заставляетъ людей выйти изъ естественнаго состоянія независимости и подчиниться, по договору, извѣстной власти. Государство, по мнѣнію Локка, не имѣетъ другой цѣли кромѣ обязанности защищать подданныхъ отъ насилія и вражды; если оно не

(1) Этотъ замѣчательный голландскій юристъ жилъ въ половинѣ XVII вѣка и написалъ дѣльную книгу: *De jure civitatis*, которая до сихъ поръ пользуется уваженіемъ. См. *Mohl Geschichte* I, 234, 235.

достигаетъ этого назначенія, или, что еще хуже, превращается въ тираннію, — то согласіе между правительствомъ и народомъ теряетъ свою юридическую силу. Чтобы предупредить гражданскія войны и перевороты, Локкъ предлагаетъ отдѣлить власть церковную отъ свѣтской и законодательную отъ исполнительной, и совѣтуетъ не преслѣдовать никого за вѣру. Событія 1688 года оправдали въ глазахъ Англичанъ его теоріи, а потому не удивительно, что она пріобрѣла авторитетъ и была подвергнута критикѣ, не ранѣе какъ въ половинѣ XVIII вѣка, послѣдователями шотландской нравственной философіи и скептиками.

Впрочемъ, ея противники исправили въ ней лишь немногія ошибки; коренныя же начала ученія остаются до сихъ поръ непоколебимыми въ Великобританіи, и даже перешли въ Америку (1).

Между тѣмъ, какъ Англія измѣняла свои учрежденія въ духѣ гражданской свободы, на континентѣ старый порядокъ не уступалъ требованіямъ вѣка, перерабатывался съ трудомъ, медленно, и остался въ основаніи почти нетронутымъ до французской революціи. Правительства не думали о коренной реформѣ и довольствовались частными измѣненіями; общественное устройство носило на себѣ рѣзкія, безобразныя черты феодальнаго типа. Поэтому новыя идеи о государствѣ долго не имѣли здѣсь практическаго значенія и развивались только въ видѣ теорій. О примѣненіи ихъ нельзя было думать, пока въ Германіи существовала нестройная, хаотическая имперія и полусамостоятельная территорияальная власть (*Landeshoheit*), раздробленная между безчисленными князьями, графами, духовными и свѣтскими господами, пока во Франціи продолжался безнравственный деспотизмъ, пока вниманіе кабинетовъ было устремлено на внѣшнюю политику. Однакоже, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, публицисты дѣлали свое дѣло, поддерживали гражданскій духъ и воспитывали юридическое сознаніе въ новыхъ поколѣніяхъ. Книга Грота пользовалась уваженіемъ въ цѣлой Европѣ, и съ половины XVII вѣка подвигала впередъ политическое образованіе. Есте-

(1) Кромѣ Мильтона, Локка и Сидни, въ эпоху революціи, о происхожденіи и цѣли государства писали: Вилліамсъ Темплъ, Маккензи и Фильмеръ. Послѣдній защищалъ патріархальную теорію, то-есть выводилъ власть гражданскую изъ власти семейной. (*Patriarcha*, 1680.)

ственное право имѣло тогда особенный авторитетъ между учеными. Главнымъ представителемъ этой науки въ Германіи былъ Пуффендорфъ; для него даже учреждена была въ Гейдельбергскомъ университетѣ новая каѳедра. Онъ сдѣлался главою цѣлой школы писателей, которая существовала почти цѣлое столѣтіе и приобрѣла громкую извѣстность. Разсматривая сочиненія Пуффендорфа, мы не находимъ въ нихъ ни оригинальности, ни особенныхъ научныхъ достоинствъ; онъ былъ, по выраженію Лейбница, плохой юристъ и вовсе не философъ (*vir parum jurisconsultus et minime philosophus*); всѣ основныя его понятія взяты у Грота и Гоббеса; новаго сказалъ онъ мало; но, несмотря на это, должно согласиться, что заслуги его важны для своего времени. Онъ окончательно устранилъ теократическій взглядъ на государство и пустилъ въ ходъ раціональныя политическія идеи. Способъ изложенія у Пуффендорфа, сравнительно съ прежнею методой, имѣетъ на своей сторонѣ неоспоримое преимущество — ясность. Какъ самъ онъ, такъ и всѣ его ученики говорили общедоступнымъ языкомъ, стремились къ систематикѣ и стройности. Правда, ихъ можно упрекнуть въ непослѣдовательности; напримѣръ, основывая государство на договорѣ, они не проводили логически своего ученія, не упоминали о правахъ гражданъ, о средствахъ противъ насилія и произвола, и вообще держались болѣе Гоббеса, чѣмъ Локка; но и этотъ упрекъ не падаетъ на нихъ всею тяжестью, если вспомнить, съ какими опасностями и трудностями должны были они бороться, отстаивая свободу политической мысли противъ обскурантизма. Съ большимъ правомъ можно обвинять ихъ въ удаленіи отъ дѣйствительнаго міра, въ недостаткѣ практическаго смысла, въ безплодномъ резонерствѣ: они затворялись въ кабинетахъ и аудиторіяхъ, строили отвлеченныя и шаткія теоріи и не видѣли передъ собою широко-развивающейся, богатой опытомъ жизни. Вотъ почему ихъ изслѣдованія скоро сдѣлались антикварными, потеряли цѣнность и въ настоящее время почти не имѣютъ значенія. Къ этому должно прибавить еще одно замѣчаніе насчетъ школы Пуффендорфа: она смотрѣла на всѣ политическія науки съ точки зрѣнія естественнаго права, и слѣдовательно не разрабатывала ихъ самостоятельно. Эта односторонность объясняется, можетъ-быть, и тѣмъ, что почти всѣ ея послѣдователи, кромѣ Томазія и немногихъ другихъ, не отличались боль-

шими дарованіями и имѣли обыкновеніе *jurare in verba magistri*. То же самое можно сказать объ ученикахъ Вольфа, который на некоторое время возвысилъ философскую школу и продлилъ ея существованіе: они не пошли далѣе своего наставника. Впрочемъ, его собственная политическая теорія содержитъ въ себѣ мало новаго. Вольфъ замѣчательнъ не столько оригинальнымъ воззрѣніемъ, сколько догматизмомъ, строгою системою и точностію въ разграниченіи отдѣльных предметовъ. Между тѣмъ новыя матеріалы для государственныхъ наукъ накопились во множествѣ. Еще съ первой половины XVII вѣка, а въ особенности послѣ Вестфальскаго мира, начали издаваться въ разныхъ странахъ политическіе журналы и газеты, въ которыхъ обсуживались текуція событія и дѣла всей Европы (1); правительственные архивы также сдѣлались нѣсколько доступнѣе; появились собранія международныхъ договоровъ и дипломатическихъ бумагъ, мемуары посланниковъ и т. п. (2). Къ сожалѣнію, ученики Пуф-

(1) Первый универсально-политическій журналъ издавался во Франкфуртѣ, подъ заглавіемъ *Theatrum Europaeum* (1635 г.); за нимъ слѣдовали: *Diarium Europaeum* (1659), *L'espion dans les cours des princes* (Cologne, 1696), *Mercure historique et politique* (1686), *die Europäische Fama* (Leipz. 1702). Но мѣстные газеты явились гораздо ранѣе, и прежде всего въ Италіи, именно въ Венеціи. Замѣчательно, что онѣ обыкновенно издавались правительствомъ въ рукописяхъ; печатать ихъ долго не позволяли (Blakey, II, 293). Частнымъ лицамъ также запрещено было публиковать политическія извѣстія. Въ Англіи первая офиціальная печатная газета вышла при королевѣ Елисаветѣ (въ то время, когда Филиппъ II приготовлялъ непобѣдимую армаду), подъ заглавіемъ: *The English Mercurie, published by Authoritie for the contradiction of false reports*. Нѣсколько экземпляровъ ея уцѣлѣли въ Британскомъ музеѣ. Потомъ въ эпоху Тридцатилѣтней войны разрѣшено было Натаніэлю Боттеру издавать еженедѣльный журналъ (*News of the present work*), въ которомъ обнародовались иностранныя политическія новости. Что касается до внутреннихъ событій и преній парламента, они считались тайною. Вообще политическія партіи не имѣли до самой революціи публичнаго органа для выраженія и обмѣна своихъ мыслей. (Blakey, II, 207—209.) Во Франціи также не было періодическихъ изданій до начала XVII вѣка: первые нумера Французскаго Меркурія явились въ 1611 г. Самые лучшіе и вполне независимые политическіе журналы и газеты издавались въ Голландіи.

(2) Первое офиціальное собраніе трактатовъ сдѣлано было во Фран-

Фендорфа и Вольфа не пользовались этими важными источниками; они долго оставались нетронутыми и почти неизвѣстными. Такая односторонность публицистовъ непременно должна была вызвать реакцію противъ философіи и создать новую, враждебную ей школу. Дѣйствительно, она образовалась въ началѣ XVIII вѣка изъ историковъ и юристовъ, которые поставили себѣ задачею разрабатывать политическія науки на основаніи однихъ положительныхъ данныхъ. Въ глазахъ этой школы только фактъ имѣлъ значеніе; она считала неприличнымъ произносить свое сужденіе о государственныхъ вопросахъ, и объявила войну идеямъ; послѣдователи ея занялись съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ изученіемъ существующихъ законовъ и обычаевъ, и дѣйствительно привели въ систему несмѣтное количество матеріаловъ по разнымъ отраслямъ знанія, особенно по государственному, международному праву и статистикѣ. Но несмотря на ученость и практическое направленіе этихъ писателей, они не успѣли достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ: имъ не доставало путеводнаго начала. Въ ихъ сочиненіяхъ мы находимъ самую разнородную, хаотическую смѣсь; они даже не различаютъ ясно отдѣльныхъ предметовъ и теряются въ массѣ собственныхъ свѣдѣній. На публику они не имѣли особеннаго вліянія, потому что излагали науку слишкомъ сухо, непривлекательно, растянуто. Вообще, несмотря на свои неоспоримо полезные труды, эта школа не могла двигать общественнымъ мнѣніемъ, и оказалась безсильною въ борьбѣ противъ философіи. Впрочемъ, имѣя приверженцевъ въ нѣкоторыхъ университетахъ, она дѣйствовала съ каведры благотворно, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что обратила вниманіе умовъ на практику и подняла вопросы жизни, которые суждено было разрѣшить будущему поколѣнію. Лучшимъ ея органомъ въ Германіи былъ почтенный *Іоаннъ Мозеръ*, основатель политической коллегіи въ Ганау, авторъ безчисленныхъ книгъ о правѣ государ-

ствъ, въ 1622 году; потомъ въ Голландіи явилось нѣсколько частныхъ изданій подобнаго рода: знаменитый кодексъ Лейбница (*Codex juris gentium diplomaticus*) напечатанъ былъ въ 1693 году; вслѣдъ за нимъ появились богатые сборники Бернара и Дюмона. Обнародованіе посольскихъ мемуаровъ также вошло въ обычай съ половины XVII вѣка. См. *Martens Recueil des traités I* (Introduction).

ственномъ и международномъ. Всю жизнь свою этотъ неутомимый человекъ работалъ благородно и безкорыстно для общественнаго блага, и несмотря на разныя несчастія и стѣсненія, остался вѣренъ своему призванію (1). На Мозеръ ярко отражаются всѣ достоинства и недостатки школы положительной. Мы бы могли упомянуть здѣсь и о другихъ ея послѣдователяхъ, но они далеко стоятъ ниже Мозера во всѣхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ обѣ упомянутыя школы публицистовъ вдалились въ крайности; именно философія совершенно удалилась отъ дѣйствительности; напротивъ, положительная школа слишкомъ придерживалась рутины. Это одностороннее направленіе кончилось истощеніемъ и упадкомъ, тѣмъ болѣе еще, что ни та, ни другая не имѣли въ своихъ рядахъ особенно-талантливыхъ людей. Образованное общество не читало ни ученыхъ трактатовъ, составленныхъ подъ вліяніемъ пуффендорфо-томазіанскихъ идей, ни многотомныхъ, недоступныхъ твореній, издаваемыхъ позитивистами. Гораздо привлекательнѣе для публики были французскія политическія и философскія сочиненія, писанныя легкимъ, понятнымъ языкомъ, въ самой популярной, нерѣдко въ изящной формѣ. Еще со временъ Лудовика XIV, Франція пріобрѣла рѣшительное вліяніе на прочія европейскія государства: ея нравы, обычаи и моды сдѣлались предметомъ подражанія; ея языкъ вошелъ во всеобщее употребленіе. Неудивительно, что политическія идеи тогдашнихъ представителей французской литературы были вездѣ въ ходу, сначала въ высшихъ кругахъ, въ аристократіи, а потомъ и между другими сословіями. Особеннымъ авторитетомъ пользовались въ это время энциклопедисты; они хотя и не занимались спеціально разработкою государственныхъ наукъ, но затрогивали разные общественные вопросы съ такимъ искусствомъ, что можно сказать, дали рѣшительное направленіе вѣку. Подъ ихъ руководствомъ большой свѣтъ усвоилъ себѣ извѣстный образъ мыслей, отступленіе отъ котораго считалось варварствомъ. Чтобы понять характеръ этихъ писателей и объяснить сильное ихъ дѣйствіе на умы, намъ нужно возвратиться нѣсколько назадъ.

Мы сказали уже, что Декартъ не создалъ отдѣльной школы

(1) Превосходную характеристику Мозера и другихъ германскихъ публицистовъ можно найти во II томѣ сочиненія Моля, стр. 401—414.

публицистовъ, даже почти не коснулся политики въ своихъ сочиненіяхъ (1); несмотря на то, его философія разрушила много предразсудковъ, пробудила сознаніе поколѣній, прояснила взгляды на жизнь и, вообще, произвела умственный переворотъ. Хотя государственныя науки при Лудовикѣ XIV мало подвинулись впередъ, но внутреннія преобразованія и внѣшнія войны этого государя слишкомъ ощутительно затрогивали интересы Французовъ, и они не могли оставаться равнодушными къ дѣлу законодательства и управленія. Одаренная живымъ умомъ и воспріимчивымъ характеромъ, нація внимательно слѣдила за внутренними мѣрами и внѣшними сношеніями правительства, и скоро поняла ошибки честолюбиваго монарха. Тяжкія испытанія, которыя постигли страну въ послѣдніе годы его правленія, еще болѣе усилили броженіе умовъ; наконецъ при безславномъ Лудовикѣ XV оппозиція противъ господствовавшихъ злоупотребленій поднялась со всѣхъ сторонъ. Общество видѣло безнравственность двора, понимало пороки администраціи и произволъ чиновниковъ; народная гордость была оскорблена политическими промахами и неудачами. Глаза Французовъ невольно обращались къ сосѣдственной Англіи, которая не только вышла съ торжествомъ изъ борьбы за наслѣдство испанскаго престола, но кромѣ того укрѣпила свою древнюю конституцію, и съ успѣхомъ отстояла гражданскую свободу. Британскія учрежденія слѣдались предметомъ общаго любопытства; могущество и богатство страны возбуждало зависть; наконецъ самое соперничество двухъ народовъ невольно приковывало ихъ другъ къ другу. Размѣны идей между ними начался еще при Лудовикѣ XIV, можно сказать даже, подъ не-

(1) Ближайшій послѣдователь Декарта, Спиноза, хотя начерталъ замѣчательную и оригинальную систему политики, но она не имѣла вліянія ни въ наукѣ, ни въ практикѣ, потому что тѣсно связана съ пантеистическимъ воззрѣніемъ автора на жизнь. См. *Mohl Geschichte der Staatswissenschaften* I, 235, 236. Идеи Спинозы изложены темно, облечены въ недоступную форму и раскрыты только въ наше время. Мы не будемъ разбирать этого ученія. Для насъ достаточно замѣтить, что знаменитый философъ основываетъ государство на договорѣ, и въ понятіяхъ о верховной власти нѣсколько сходится съ Макиавелли и Гоббесомъ. Подробно ученіе Спинозы изложено Горномъ въ небольшой брошюрѣ, изданной въ 1851 году, подъ заглавіемъ: *Spinozas Staatslehre* (Dessau).

посредственнымъ его вліяніемъ. Онъ далъ у себя убѣжище Стюартамъ, поддерживалъ джакобитовъ и вмѣшивался то открыто, то посредствомъ интриги во внутреннія дѣла Англіи. Всѣ распоряженія сентъ-джемскаго кабинета обсуживались въ Парижѣ, множество памфлетовъ противъ новой династіи издавалось приверженцами изгнаннаго дома. Благодаря этой жаркой полемикѣ, Французы познакомились съ государственною жизнію своихъ сосѣдей, принялись читать англійскихъ писателей и усвоили себѣ политическія идеи Бэконовой школы. Главными защитниками этихъ идей были энциклопедисты: они нашли у Локка, Комберленда, Гутчесона, Юма и другихъ готовый матеріалъ для науки, и заботились только о томъ, чтобы изложить ее въ легкой, изящной, доступной формѣ. Самостоятельности въ ихъ изслѣдованіяхъ мало. Кажется, они сначала думали не столько о построеніи теорій, сколько о томъ, чтобы опровергнуть теократическій взглядъ на государство, и вообще судили о политикѣ уклончиво, иронически, съ точки зрѣнія скептиковъ. Къ сожалѣнію, имъ не удалось дѣйствовать на практику, быть проводниками мирныхъ реформъ, исправить пороки администраціи, измѣнить духъ учрежденій путемъ указанія и совѣта. Они не могли подобно англійскимъ публицистамъ сдѣлаться наставниками правительства, руководящими органами политической жизни. Управление во Франціи шло тогда совершенно въ разрѣзъ съ требованіями вѣка, упорно держалось преданія и рутины; общество, построенное на феодальныхъ основаніяхъ, закоснѣло въ неподвижныхъ, безобразныхъ формахъ. Не видя для націи исхода изъ этого хаотическаго состоянія, не находя никакой возможности и не чувствуя въ себѣ достаточно силъ для систематическихъ преобразованій, — энциклопедисты объявили войну всему прошедшему и, удалившись въ міръ отвлеченныхъ умозрѣній, начали всею силою разума разрушать господствовавшій порядокъ. Одинъ изъ знаменитыхъ французскихъ публицистовъ превосходно объясняетъ намъ причины и послѣдствія такого направленія (1). «Политическія убѣжденія философовъ XVIII столѣтія, говоритъ онъ, чрезвычайно разнообразны и даже непримиримы; составить изъ нихъ одну теорію нѣтъ никакой возможности. Но если мы отбросимъ частности и будемъ искать

(1) *Tocqueville* l'Ancien Régime et la Revolution. Ch. XIII, p. 214—226.

коренныхъ идей (*idées mères*), то замѣтимъ, несмотря на отдѣльныя противорѣчія, одинъ исходный пунктъ у всѣхъ энциклопедистовъ; они думаютъ, что *сложные обычаи и преданія, на которые опиралось тогдашнее общество, должны быть замѣнены простыми, первоначальными правилами, почерпнутыми изъ разума и естественнаго закона*. Въ этомъ состоитъ главное, если не единственное требованіе философіи XVIII вѣка!..

«Не случайно пришли философы XVIII вѣка къ убѣжденіямъ, противоположнымъ общественному порядку своего времени; само общество внушило имъ эти убѣжденія. Безчисленное множество вредныхъ или смѣшныхъ привилегій, которыхъ тяжесть съ каждымъ днемъ становилась болѣе и болѣе чувствительною, а причина — менѣе и менѣе понятною, стремительно увлекло ихъ къ мысли о естественномъ равенствѣ состояній. Видя столько нестройныхъ, причудливыхъ учреждений стараго времени, которыхъ никто не думалъ согласить между собою и приноровить къ новымъ нуждамъ, которыя, потерявъ достоинство, казалось, увѣковѣчили свое существованіе, — они почувствовали отвращеніе къ древности, къ преданію, и естественно желали перестроить общество по новому плану, начертанному при свѣтѣ чистаго разума.

«Самое положеніе этихъ писателей заставило ихъ слѣпо пристраститься къ общимъ и отвлеченнымъ теоріямъ правленія. Они жили въ совершенномъ удаленіи отъ практики; ихъ внутренній жаръ не охлаждался опытомъ, они не знали, что *существующими фактами* могутъ быть нерѣдко задерживаемы самыя спасительныя реформы, не имѣли понятія объ опасностяхъ, сопровождающихъ самыя необходимыя перевороты, даже не предчувствовали этого; ибо совершенное отсутствіе политическаго упражненія закрывало отъ нихъ дѣловую міръ. Они не принимали въ немъ участія, не видѣли, что въ немъ происходитъ. У нихъ не было даже тѣхъ поверхностныхъ познаній, которыя такъ легко пріобрѣтаются въ свободномъ обществѣ, среди говора и шума, лицами, наименѣе прикосновенными къ управленію. Они сдѣлались отъ того дерзновеннѣе къ нововведеніямъ, пристрастнѣе къ идеямъ и системамъ, презрительнѣе къ древней мудрости и довѣрчивѣе къ своему разуму, нежели обыкновенные политическіе мыслители.

«То же самое невѣжество склонило на ихъ сторону слухъ и сердце толпы. Еслибы Французы еще принимали участіе въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ и въ провинціальныхъ совѣтахъ, какъ было прежде, они бы навѣрное не увлеклись до такой степени идеями этихъ писателей, они сохранили бы дѣловой духъ, всегда нѣсколько осторожный и подозрительный къ теоріи. Еслибы, подобно Англичанамъ, они могли, не разрушая древнихъ учрежденій, измѣнить мало-по-малу ихъ духъ на практикѣ,—они не изобрѣтали бы новыхъ. Но къ несчастію, во Франціи каждый чувствовалъ, что его личность, благосостояніе или гордость оскорбляется какимъ-нибудь закономъ, обычаемъ, или обломкомъ стараго учрежденія, и не видѣлъ въ своихъ рукахъ надежнаго средства противъ зла; ему казалось, что въ устройствѣ страны надобно или все переносить, или все уничтожить.»

«Всѣ политическія страсти высказывались въ философіи; вся жизнь политическая была насильственно загнана въ литературу, и писатели, взявъ въ свои руки исключительную власть надъ общественнымъ мнѣніемъ, заняли мѣсто, принадлежащее въ другихъ странахъ предводителямъ партій. Оспаривать у нихъ эту роль никто не могъ.»

Доказывая далѣе, что аристократія потеряла вліяніе на государственное управленіе, что низшіе классы были совершенно подавлены, и что вообще Французская нація была лишена всякаго политическаго опыта и участія въ собственныхъ дѣлахъ, Токвиль выводилъ отсюда слѣдующія заключенія, которыми еще болѣе объясняется направленіе и характеръ энциклопедистовъ.

«Между тѣмъ какъ въ Англіи публицисты и государственные люди были смѣшаны въ одну массу, именно одни вводили новыя идеи въ практику, другіе исправляли теоріи съ помощію фактовъ—во Франціи политическій міръ какъ бы раздѣлился на двѣ независимыя и замкнутыя области. Въ одной управляли, въ другой строили отвлеченныя теоріи, на которыхъ должно основываться управленіе; въ одной слѣдовали рутинѣ, въ другой провозглашали общіе законы, не думая о средствахъ къ ихъ исполненію; въ одной сосредоточивались дѣла, въ другой руководили умами, вырабатывали идеи. Такимъ образомъ надъ существующимъ обществомъ, устроеннымъ по преданію, хаотическимъ и неправильнымъ, съ разнообразными, несогласными

между собою законами, съ рѣзкими отличіями ранга и неравно-
мѣрными повинностями, возвышалось другое, воображаемое об-
щество, гдѣ все было просто, однообразно, справедливо, приве-
дено въ порядокъ и согласно съ разумомъ...

«Это-то исключительное, безпримѣрное въ исторіи вліяніе
теоретиковъ на политическое воспитаніе народа, сообщило фран-
цузской революціи особенный геній. Чуждая практикѣ, лишен-
ная руководителей, нація заимствовала у философовъ не только
идеи, но инстинкты, вкусъ, характеръ, и когда ей пришлось дѣй-
ствовать, перенесла въ политику всѣ обычаи и привычки лите-
ратуры. Революція была ведена въ томъ же самомъ духѣ, въ
какомъ были писаны отвлеченныя книги о правленіи. Въ ней
высказалась въ такой же степени привязанность къ теоріямъ и
системамъ, страсть къ симметріи въ законахъ, къ оригинально-
сти, къ новизнѣ, къ передѣлкѣ устройства по правиламъ логики
и по одному плану.»

Итакъ, энциклопедисты имѣютъ въ исторіи политическихъ
наукъ отрицательное значеніе. Они разрушали прошедшее, предо-
ставивъ дѣло созданія будущему. Совершенно другой характеръ
носить на себѣ знаменитый трактатъ о «Духѣ законовъ»; онъ не
направленъ противъ отжившихъ учреждений, не написанъ съ
цѣлю подкопать предразсудки, разоблачить общественное зло,
доказать безобразіе и несостоятельность существующаго порядка;
задушевная мысль автора состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ
основательнаго, всесторонняго изученія государственной жизни
привести читателя къ твердымъ, положительнымъ, такъ сказать,
органическимъ убѣжденіямъ. Содержаніе этой книги очень разно-
образно; большая часть ея относится къ юриспруденціи, но въ ней
разсыпано также множество драгоценныхъ указаній относительно
управленія и политики. Монтескье имѣетъ въ виду не столько
исторію или догму законодательства, сколько теоретическіе выво-
ды. Основная его мысль состоитъ въ томъ, что физическая при-
рода страны и нравственныя качества жителей имѣютъ большое
вліяніе на устройство государства. Она высказана и проведена у
него съ такимъ мастерствомъ, какого мы не находимъ ни у одного
изъ писателей тогдашняго времени. Авторъ «Духа законовъ» да-
леко превосходитъ талантами послѣдователей обѣихъ школъ, фи-
лософской и положительной; его взглядъ возвышается какъ надъ

чистою абстракціею, такъ и надъ рутиною; наука у него взята изъ жизни; въ немъ виденъ практическій смыслъ, замѣтно ясное пониманіе дѣйствительности. Къ сожалѣнію, Монтескье часто только набрасываетъ идеи, не выводитъ изъ нихъ заключеній, не раскрываетъ своей системы въ цѣлости, и впадаетъ иногда въ историческія ошибки. Впрочемъ, мы не намѣрены подробно разбирать здѣсь достоинства и недостатки сочиненія о «Духѣ законовъ»: они болѣе или менѣе извѣстны образованнымъ читателямъ (1). Для насъ въ особенности важно ученіе Монтескье о власти верховной, потому что оно приобрѣло большой авторитетъ въ Европѣ. На немъ основана, какъ извѣстно, теорія конституціоннаго государства.

Политическій идеалъ Монтескье есть такъ-называемая смѣшанная форма правленія, построенная на органическомъ сочетаніи монархіи съ аристократіею и демократіею. Государство, опирающееся на эти начала, по его мнѣнію, можетъ дать самую надежную юридическую защиту противъ произвола и насилія. Для достиженія этой цѣли онъ считаетъ необходимымъ уравновѣсить и поставить въ совершенную независимость, одну отъ другой, власти: законодательную, судебную и исполнительную, вручивъ каждую изъ нихъ отдѣльнымъ лицамъ, то-есть первую—представителямъ дворянства и другихъ сословій, вторую—судьямъ, а послѣднюю — королю. Отсюда, какъ думаетъ Монтескье, произойдутъ самыя благія послѣдствія, именно мудрое законодательство, потому что на него будутъ имѣть вліяніе всѣ классы народа, честное исполненіе и справедливые приговоры, потому что всѣмъ уполномоченнымъ лицамъ назначена извѣстная сфера, за которую никто не можетъ переступить безъ сопротивленія со стороны другихъ. Въ доказательство возможности своего идеала Монтескье ссылается на Англію: по его мнѣнію, она служитъ живымъ примѣромъ гармонически - устроенной смѣшанной монархіи.

(1) Между политическими критиками Монтескье пользуются извѣстностью: Дестюттъ-де-Траси (*Commentaire sur l'Esprit des lois* P. 1817), Ансильонъ, Шарль, Контъ (*Traité de législation*) и Венедей (*Machiavel, Montesquieu, Rousseau. Berl. 1851*). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ рецензія Моля, которою отчасти и мы воспользовались для этого очерка. См. *Geschichte der Staatswissenschaften* I, 236, 7, 271—80.

При первомъ взглядѣ на это ученіе, не трудно замѣтить въ немъ невѣрные и сомнительныя стороны. Впервыхъ раздробленіе государственной власти на чуждыя одна другой вѣтви должно разрушить единство государства и привести къ анархіи. Какъ вооруженная исполнительная власть будетъ подчиняться безоружному, безсильному законодательству? Далѣе, это раздробленіе нисколько не ограждаетъ отъ злоупотребленій со стороны каждаго органа или всѣхъ вмѣстѣ; въ немъ упущена изъ виду главная идея конституціоннаго устройства—обезпеченіе правъ подданныхъ; наконецъ ссылка на англійское устройство, будто бы основанное на тройственномъ дѣленіи, не согласна съ фактами. Передача отдѣльныхъ функцій верховной власти столь различнымъ элементамъ, какъ монархія, аристократія и демократія, произвела бы только вражду между ними. По крайней мѣрѣ гармоніи нельзя ожидать отъ сопоставленія физическихъ и юридическихъ лицъ, которыя стремятся исключить другъ друга и пріобрѣсти для себя самодержавіе во всей полнотѣ.

Но, несмотря на указанныя ошибки, теорія Монтескье имѣетъ неоспоримое значеніе. «Сила генія велика даже и тогда, когда онъ заблуждается,» говоритъ Моль. Эти слова какъ нельзя болѣе справедливы въ отношеніи къ знаменитому автору «Духа законовъ»: его погрѣшности содѣйствовали открытію истины. Онъ проложилъ совершенно новую дорогу для науки; въ первый разъ схватилъ основную идею конституціоннаго права, и если самъ не успѣлъ многого изслѣдовать, то во всякомъ случаѣ значительно облегчилъ работу для другихъ. До того времени англійскія учрежденія казались хаосомъ; онъ первый старался понять ихъ смыслъ и коренныя начала. Монтескье принесъ и практическую пользу народамъ; подъ его вліяніемъ начертаны были основные законы для разныхъ государствъ. Если при этомъ были сдѣланы разные промахи, то отвѣтственность за нихъ падаетъ не столько на него, сколько на послѣдователей начертанной имъ теоріи. Они не повѣрили ея критически и даже исказили въ ней нѣкоторыя части. Кромѣ того, неудачи здѣсь объясняются внѣшними обстоятельствами. Вообще нельзя ставить въ вину Монтескье, что представленная имъ система совершеннаго раздѣленія властей была философскимъ камнемъ въ глазахъ политиковъ конца прошлаго и начала XIX столѣтія.

Впрочемъ авторитетъ «Духа законовъ» былъ скоро подорванъ во Франціи сочиненіемъ Руссо о договорѣ общественномъ (*du Contrat social*, 1752). Идеи женевского философа казались поколѣнію, воспитанному подъ вліяніемъ энциклопедистовъ и недовольному существовавшимъ порядкомъ, болѣе ясными и отчетливыми нежели сложная теорія Монтескье. Руссо доводитъ мысль о первобытномъ равенствѣ и независимости отдѣльных лицъ до послѣднихъ крайностей; права народа, по его мнѣнію, неограниченны; нація создаетъ и разрушаетъ государства по договору, или, лучше сказать, по произволу, потому что договоръ всегда можетъ быть измѣненъ, а свобода не отчуждаема. Съ этою теоріею логически не совмѣстима никакая форма правленія кромѣ демократической. Цѣль государства—благо каждаго гражданина и всѣхъ вмѣстѣ. На дѣйствительность, на исторію, на разнообразіе жизни, на высшія требованія человѣческой природы, на внутреннюю безусловную необходимость государства, Руссо не обращаетъ вниманія; всѣ общественные вопросы у него разрѣшаются актомъ воли, согласіемъ гражданъ. Онъ не заботится о продолжительности устройства, потому что основываетъ его не на объективныхъ отношеніяхъ, не на твердыхъ началахъ, а на временномъ, легко измѣняемомъ контрактѣ. Односторонность и опасность его ученія происходитъ преимущественно отъ неорганическаго, нестройнаго взгляда на жизнь, отъ того, что онъ ставитъ субъективный произволъ на мѣсто закона (1). Этимъ объясняется сочувствіе, которое высказали къ нему горячія головы и нетерпѣливые преобразователи. Руссо сдѣлался кумиромъ радикальной школы; его духомъ были проникнуты всѣ главные дѣятели революціи во Франціи.

Кромѣ Монтескье и Руссо, большимъ вліяніемъ на общество второй половины XVIII вѣка пользовались экономисты или фیزیократы. Основателемъ этой школы былъ остроумный Кене; она возникла во Франціи и скоро потомъ распространилась въ другихъ странахъ. Вниманіе экономистовъ устремлено было преимущественно на матеріальные интересы народа; но они высказали также много мыслей объ устройствѣ и управленіи государствомъ вообще. Мы не будемъ излагать здѣсь всего фیزیократическаго

(1) *Mohl*, *Geschichte der Staatswissenschaften* II, 237, 238.

ученія: оно относится собственно къ общественной экономіи; но намъ необходимо познакомиться съ политическимъ направлениемъ этихъ писателей, тѣмъ болѣе, что они играли важную роль въ свое время. Токвиль, въ послѣднемъ сочиненіи о революціи, мастерски характеризуетъ ихъ (1).

«Энциклопедисты, говоритъ онъ, вращаются въ сферѣ чисто отвлеченныхъ и общихъ идей касательно правленія; напротивъ фیزیократы, при всей привязанности къ теоріямъ, нисходятъ въ область фактовъ, съ жаромъ нападаютъ на всѣ учрежденія, которыя революція должна была уничтожить, и провозглашаютъ тѣ, которыя она должна была создать... Въ ихъ сочиненіяхъ вообще преобладаетъ разрушительный и демократическій характеръ; они ненавидятъ не только привилегіи, но враждуютъ противъ всякаго различія между гражданами и обожаютъ равенство даже въ рабствѣ... Для нихъ почти не существуютъ частныя права; они все приносятъ въ жертву общественной пользѣ. Будучи на самомъ дѣлѣ людьми тихаго нрава, честными чиновниками, способными правителями, они увлекаются въ наукѣ какимъ-то особеннымъ духомъ. Прошедшее для нихъ предметъ глубокаго презрѣнія. Нація управляется въ теченіи вѣковъ ложными началами, говоритъ Летроннь; во Франціи, по его мнѣнію, все дѣлается наугадъ. Выходя съ этой точки зрѣнія, онъ возстаетъ противъ самыхъ основныхъ историческихъ учреждений королевства.

«Фیزیократы обдумали всѣ общественныя и административныя реформы, приведенныя въ исполненіе революціею, прежде нежели идея либеральныхъ учреждений проявилась въ ихъ головахъ. Требуя безпрепятственнаго размѣна товаровъ и свободы промышленности (*laissez faire, laissez passer*), они вовсе не заботятся о свободѣ политической, а напротивъ высказываютъ вражду къ законодательнымъ собраніямъ и ко всѣмъ учрежденіямъ, создаваемымъ народами для того, чтобы сдерживать преобладающее вліяніе центральной власти. «Система противодѣйствующихъ силъ (*contreforces, contrepoids*) или равновѣсія въ управленіи есть гибельная идея и химера,» говоритъ Кене. Въ публичномъ воспитаніи они находятъ единственную ограду противъ насилія

(1) *Toqueville, l'Ancien Régime et la Révolution* p. 246—251.

и произвола, ибо, по словам их учителя, деспотизмъ невозможенъ, если нація просвѣщена... Другія, собственно политическія, гарантіи имъ неизвѣстны. Они не только не стѣсняютъ, но расширяютъ авторитетъ правительства; по ихъ понятіямъ, государство, «устроенное согласно требованіямъ естественнаго порядка (*ordre naturel*)», должно быть всемогущимъ. Оно не только управляетъ націей, но руководить ею, образуетъ душу гражданъ по заготовленной напередъ модели, наполняетъ ее извѣстными идеями и воспитываетъ сердце въ извѣстныхъ чувствахъ. Собственно говоря, ему нѣтъ границъ; оно можетъ все сдѣлать, не только измѣнить, но пересоздать подданныхъ для своихъ цѣлей. «Государство творитъ изъ людей все, что ему угодно», говоритъ Бодо. Въ этомъ словѣ заключаются всѣ политическія теоріи физиократовъ... Имъ хорошо извѣстна особенная форма тиранніи, о которой въ средніе вѣка не имѣли понятія, и которая называется демократическимъ деспотизмомъ. Эта система правленія не допускаетъ въ обществѣ іерархіи, опредѣленныхъ классовъ, принятаго ранга; народъ состоитъ здѣсь изъ сходныхъ и совершенно равныхъ лицъ; ему одному принадлежатъ всѣ верховныя атрибуты самодержавія, но онъ лишенъ всякой возможности управлять и наблюдать надъ собственной властью. Представителемъ этой массы обыкновенно является одинъ человекъ, уполномоченный на все ея именемъ, но безъ совѣщанія; контролемъ ему служить общественное мнѣніе безъ органовъ; преградой не законы, а революціи; по праву онъ—повѣренный, на дѣлѣ—полный господинъ.

«Не находя ничего подобнаго этому идеалу вокругъ себя, физиократы ищутъ его въ глубинѣ Азіи, именно въ Китаѣ... Это варварское правительство, которымъ играетъ по произволу горсть Европейцевъ, кажется имъ образцомъ, достойнымъ подражанія, и становится для нихъ тѣмъ же, чѣмъ сдѣлались въ послѣдствіи Англія и Америка для всѣхъ Французовъ. Они умиляются и приходятъ въ восторгъ при видѣ страны, повелитель которой разъ въ годъ пашетъ землю собственными руками для поощренія полезныхъ искусствъ, гдѣ всѣ мѣста получаютъ по литературному конкурсу, гдѣ религія замѣняется философіею и аристократія учеными.

«Обыкновенно думаютъ, что разрушительныя теоріи, извѣ-

ствія въ наше время подъ именемъ соціализма, произошли недавно; это ошибка:— онѣ современны первымъ экономистамъ... Въ «Кодексѣ природы» Морли, наряду съ фізіократическимъ ученіемъ о всемогуществѣ государства, встрѣчаются утопіи, которыя тревожили Францію въ послѣднее время, именно общность имущества, право на работу, безусловное равенство и единообразіе, механическая правильность въ движеніяхъ отдѣльныхъ лицъ, тираннія уставовъ и совершенное поглощеніе личности гражданъ въ общественномъ организмѣ.»

При такомъ направленіи умовъ американская революція должна была сильно взволновать образованный міръ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило европейское общество за ходомъ великой борьбы между колоніями и сильною метрополіей, даже правительства приняли въ ней участіе и по увлеченію, или же изъ политическихъ расчетовъ, поддержали слабѣйшую сторону. Самое глубокое сочувствіе къ этой войнѣ высказали, разумѣется, Французы. Когда наконецъ цѣль ея была достигнута, и юное заатлантическое государство вышло съ торжествомъ изъ тяжелыхъ испытаній, всѣ предались радости и надеждамъ. Теоріи публицистовъ, казалось, оправдались на практикѣ: политическія учрежденія Соединенныхъ Штатовъ были основаны на идеяхъ, выработанныхъ философій XVIII вѣка; желанное равенство осуществилось въ Новомъ Свѣтѣ, къ удивленію и зависти Старого; личная независимость и политическая свобода гражданъ была обеспечена вполнѣ; простота управленія доведена до послѣднихъ границъ. Короче сказать, успѣшный переворотъ въ Америкѣ окончательно убѣдилъ въ возможности новаго порядка для Франціи и, какъ думали нѣкоторые, для всей Европы. Забывая, что молодое американское общество не имѣло подъ собою феодализма и тѣхъ іерархическихъ учреждений, которыя легли съ среднихъ вѣковъ на почву европейскую, большинство вѣрило, что раціональное право должно вездѣ одержать побѣду надъ историческимъ. Эта вѣра окрѣпла тѣмъ скорѣе, что при самомъ основаніи сѣверо-американскаго устройства, появилось множество сочиненій, въ которыхъ коренныя его начала были изложены съ замѣчательнымъ талантомъ. Сюда относятся памфлеты Томаса Пена (*the Common Sense*, 1776), жаркаго приверженца Руссо, Франклина, Прайса, серіозные трактаты Адамса и Ливингстона

и наконецъ знаменитый журналъ Гамильтона, Мэдисона и Джея «Федералистъ». Всѣ эти даровитые публицисты были встрѣчены громкимъ одобреніемъ по сю сторону океана. Въ европейской литературѣ подъ ихъ вліяніемъ обнаружилось рѣшительное движеніе въ пользу демократіи; кромѣ того они подняли прежде почти нетронутый наукою вопросъ о федеративномъ устройствѣ (1).

Послѣ всего сказаннаго легко понять, что неодолимая сила влекла европейскіе народы къ великому, радикальному перевороту. Онъ былъ тѣмъ неизбѣжнѣе, что никто не думалъ отвратить его, никто не ожидалъ, даже не предчувствовалъ наступавшаго кризиса. Прежнее устройство, выработанное подъ вліяніемъ феодальныхъ учреждений, оставалось нетронутымъ; промышленность и торговля были стѣснены до крайности монополіями и внутренними таможенными; земледѣліе обременено повинностями и поборами; налоги падали всею своею тяжестью на народъ, мимо привилегированныхъ сословій; судопроизводство было запутано; въ администраціи господствовалъ произволъ; законъ не имѣлъ силы, или подавалъ поводъ къ угнетенію. Между всѣми континентальными государствами, Франція наиболѣе страдала отъ такой системы управленія и сильнѣе чувствовала ея недостатки. Къ несчастію, реформа была здѣсь наименѣе возможна, потому что зло пустило слишкомъ глубокіе корни; правительство не имѣло энергіи и твердости, чтобы дѣйствовать систематически; въ характеръ народа не было терпѣнія, чтобы выжидать постепенныхъ улучшеній. Разъ ступивши на дорогу революціи, живая и пылкая нація не могла остановиться, пока не разрушила стараго порядка до основанія. Съ необыкновенною быстротою пали, одна за другою, тѣсно связанныя части политическаго зданія; все, чтò завѣщала исторія, было разбито насильственной рукой; не только освященные вѣками привилегіи, но почти всѣ законы и обычаи были принесены въ жертву; страшная буря не пощадила даже религіи и королевской власти, и на каждомъ шагѣ оставила слѣды крови и слезъ. Когда наконецъ истребительная война окончилась за истощеніемъ силъ и матеріала, общество было потрясено въ цѣломъ составѣ и въ

(1) См. *Mohl*, *Geschichte der Staatswissenschaften* I, 249—251.

отдѣльных частяхъ; гражданскія отношенія поколебались; право какъ бы лишилось внѣшней опоры и защиты; государство сдѣлалось живымъ образомъ ужаса и руководствовалось одними неопредѣленными требованіями публичной безопасности и блага (le salut public, le bien public). Во имя этихъ идей совершались конвентомъ насилія, преслѣдованія, казни. Еще болѣе разгорѣлись и ожесточились страсти народа отъ столкновенія съ иностранными державами. Едва только зашла рѣчь объ опасности, и первое нападеніе было отражено, Франція выступила изъ своихъ предѣловъ и понесла на знаменахъ республиканской арміи новыя начала. Вѣтхая политическая система, какъ и слѣдовало ожидать, не могла вынести стремительнаго натиска этихъ началъ и рухнула прежде всего на западъ и на югъ Европы; спустя нѣсколько времени, самые сильные ея представители принуждены были, одинъ за другимъ, уступить и отказаться отъ сопротивленія. Къ концу столѣтія, Франція уже успѣла исторгнуть у монарховъ признаніе своего политическаго бытія, пріобрѣсти перевѣсъ на материкѣ и уничтожить многія постановленія Вестфальскаго и Утрехтскаго конгрессовъ.

Многознаменательный переворотъ долженъ былъ произвести глубокое впечатлѣніе на умы и обратить общее вниманіе на политическія событія. Дѣйствительно, въ европейской литературѣ обнаружилось, въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, неслыханное, небывалое движеніе: разнообразныя памфлеты и брошюры посылались со всѣхъ сторонъ во множествѣ; публицисты и государственные люди раздѣлились на партіи; одна съ жаромъ защищала революцію, другая сочувствовала старому порядку. Обѣ партіи, разумѣется, вдалились въ крайности, увлекались пристрастіемъ и слѣдовательно принесли мало пользы своему дѣлу и наукѣ. Не пришло еще время для спокойнаго обсужденія животрепещущихъ вопросовъ: результаты переворота не выяснились для общества, связь съ прошедшимъ была, повидимому, окончательно разорвана. Итакъ, напрасно было бы искать въ сочиненіяхъ тогдашняго времени, особенно во французскихъ, новыхъ идей или серьезныхъ, основательныхъ выводовъ: школа революціонная только повторяла энциклопедистовъ и Руссо: школа реакціонная доходила до обскурантизма въ поклоненіи отжившимъ учрежденіямъ; въ рядахъ первой стояли мечтатели или яростные демагоги; ко

второй принадлежали большею частию люди, которыхъ интересы были непосредственно затронуты революціей. Не удивительно, что обѣ школы потеряли въ настоящее время всякое значеніе: когда-то громкія, имена ихъ представителей большею частию забыты; даже любопытная книга Борка о французской революціи извѣстна теперь немногимъ. Впрочемъ, несмотря на общее волненіе и безпокойство, политическія науки продолжали и во время революціи развиваться, если не во Франціи, то въ другихъ странахъ. Такъ въ Англіи съ выходомъ сочиненія Адама Смита: «О богатствѣ народовъ» (1776), началась разработка общественной и государственной экономіи; въ Германіи Ахенвалль, Бюшингъ и Шлецеръ занимались сціентифическимъ построеніемъ статистики, Мартенсъ и Гюнтеръ отдѣлили науку права международнаго отъ естественнаго. Повидимому, книга Монтескье имѣла самое благотѣльное вліяніе на германскихъ публицистовъ; они оставили прежній односторонній взглядъ на законодательство и управление; философская школа болѣе сблизилась съ дѣйствительностію; школа положительная также начала возвышаться надъ рутиною и, не довольствуясь простымъ перечнемъ фактовъ, старалась связать ихъ одною общею идеей. Слѣды такого направленія замѣтны у многихъ писателей, жившихъ въ эпоху революціи. Они сильно заботятся о примиреніи обѣихъ школъ, заимствуя у одной изъ нихъ способъ изложенія и систематику, а у другой — содержаніе. Хотя первыя попытки этой соединительной методы нельзя назвать удачными, однакоже онѣ заслуживаютъ вниманія по тѣмъ результатамъ, къ которымъ привели въ послѣдствіи. Нельзя не упомянуть также о стремленіи многихъ писателей второй половины XV. II вѣка построить философію исторіи. Извѣстно, что самъ Монтескье находился подъ вліяніемъ Вико и многое заимствовалъ изъ «началъ новой науки»; но къ сожалѣнію, она мало подвинулась впередъ по смерти знаменитаго Итальянца. Во всякомъ случаѣ, труды Изелина, Гердера, Лессинга, Кондорсе и др. были не безплодны; они много способствовали проясненію политическихъ идей, и поставили публицистовъ на новую точку зрѣнія. Природа государства не могла быть понята до тѣхъ поръ, пока всемірно-историческое его развитіе оставалось неизслѣдованнымъ.

Около того же времени, то-есть въ эпоху революціи, философія

XVIII столѣтія сказала свое послѣднее слово наступающему вѣку. Главнымъ двигателемъ мысли въ Германіи явился Кантъ, котораго обыкновенно считаютъ основателемъ идеализма. Разбирая его ученіе о государствѣ, мы находимъ въ немъ такія достоинства, которыхъ напрасно было бы искать у послѣдователей Томазія и Вольфа. Кантъ освѣтилъ раціональными началами цѣлую область законодательства, созналъ во всей глубинѣ единство рода человѣческаго и во всей обширности идею права. Хотя субъективная воля остается у него единственнымъ органомъ политической дѣятельности, но, несмотря на это, онъ во многихъ пунктахъ рѣшительно отступаетъ отъ взгляда своихъ предшественниковъ и даетъ новое направленіе. Такъ внутреннюю причину образованія государствъ онъ находитъ не въ отдѣльныхъ побужденіяхъ и наклонностяхъ, но во всей разумной природѣ человѣка. Далѣе, онъ въ первый разъ высказываетъ въ Германіи мнѣніе, что государство, созданное въ идеѣ, должно быть мѣриломъ для оцѣнки дѣйствительныхъ обществъ, что оно существуетъ не только какъ представленіе ума, но какъ требованіе вѣчнаго права, имѣющаго внутреннюю силу. Вообще, изслѣдованія этого философа направлены не къ тому, чтобы выработать идею крѣпкаго политическаго организма и могущественное, на все уполномоченное правительство, но болѣе къ тому, чтобы основать и обезпечить свободу отдѣльныхъ лицъ, живущихъ въ союзѣ между собою, подъ владычествомъ извѣстнаго порядка. Впрочемъ понятіе свободы у Канта имѣетъ чисто-отрицательный характеръ; онъ не исчерпываетъ ея положительнаго содержанія, но даетъ ей только формальное опредѣленіе; начертанный имъ законъ юридической жизни не совсѣмъ удовлетворителенъ (1). Идея общества, самобытнаго, отдѣльнаго, независимаго отъ государства, не высказывается у Канта, хотя, повидимому, онъ къ ней близокъ, потому что предоставляетъ всѣмъ членамъ политическаго союза законодательную власть. Эта система, изложенная Кантомъ лишь въ общемъ очеркѣ, къ концу столѣтія была разработана его учениками, возбудила общее сочувствіе просвѣщенныхъ людей и сохраняла авторитетъ очень долго, для цѣлаго поколѣнія. Подъ

(1) Поступай такъ, чтобы свободное употребленіе твоей воли могло быть совмѣщено съ свободою другаго лица.

ея вліянієм не только подвинулись впередъ политическія науки, но были совершены многія преобразованія въ законахъ и учрежденіяхъ. Причина такого успѣха объясняется отчасти внутреннимъ достоинствомъ ученія, согласнаго съ прогрессивными стремленіями большинства, отчасти же тѣмъ, что Фихте, ближайшій преемникъ Канта, при всей оригинальности своей философской методы, въ сущности не сказалъ о государствѣ ничего новаго; онъ только возвелъ на тронъ идею я, чтобы придать еще болѣе авторитета волѣ отдѣльныхъ лицъ, отъ которыхъ, по его словамъ, исключительно зависитъ основаніе политическаго союза и всѣхъ правомѣрныхъ отношеній. Эта односторонняя теорія, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, была подорвана критикою XIX вѣка, вмѣстѣ съ другими увлеченіями субъективнаго идеализма.

Но прежде нежели мы будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ движеніемъ политическихъ идей, намъ нужно остановиться и еще разъ бросить взглядъ на пройденный періодъ. Это тѣмъ необходимо, что французская революція произвела рѣшительное потрясеніе какъ въ области мысли, такъ и въ практической жизни народовъ. XIX столѣтіе есть эпоха новыхъ теорій и новыхъ учреждений, которыхъ развитіе еще не окончилось, которыя, строго говоря, еще не принадлежатъ исторіи; напротивъ, философія XVII и XVIII вѣка сдѣлалась достояніемъ прошедшаго. Мы можемъ теперь привести въ одно цѣлое добытые ею результаты и спокойно взвѣсить ея достоинства и недостатки.

Несмотря на безконечное разнообразіе философскихъ системъ, построенныхъ отъ Бэкона и Декарта до Канта, всѣ онѣ направлены къ одной цѣли, вырабатываютъ одну идею личности и стремятся, сколько возможно, расширить кругъ человѣческой дѣятельности. Даже тѣ публицисты, которые признаютъ всемогущество государства, отводятъ для отдѣльныхъ его членовъ извѣстную область свободы. Она ограничивается не иначе, какъ въ видахъ крайней необходимости, по договору, слѣдовательно по волѣ вступающаго въ политическій союзъ человѣка. Во всякомъ случаѣ, отъ него самого зависитъ образованіе и устройство этого союза; государство создается не по внѣшнему приказанію, а въ силу внутренней автономіи, которой никто не можетъ отнять у разумнаго существа.

Каждый человекъ, говорятъ публицисты этого періода, раждается свободнымъ, личность его неприкосновенна и безотвѣственна; онъ становится подчиненнымъ, зависимымъ только тогда, когда слѣдуя внушеніямъ собственной безопасности и блага, прибѣгаетъ подъ защиту власти, когда онъ выходитъ изъ *естественнаго состоянія*. Это состояніе философы представляютъ себѣ не одинаково; одни считаютъ его золотымъ вѣкомъ; другіе всеобщую войной. Какъ бы то ни было, и первые и вторые ищутъ въ немъ указаній, чтобъ опредѣлить взаимныя отношенія гражданъ въ государствѣ и такъ-называемыя *прирожденные права*, подъ которыми разумѣютъ неизмѣнныя требованія человеческой личности, основанныя на разумѣ и естественномъ законѣ. Кромѣ того, общество должно признать и обезпечить въ пользу своихъ членовъ *права приобретенныя*, актомъ отдѣльной воли, или по договору, или наконецъ въ силу семейнаго союза. Такимъ образомъ, каждому предоставлена извѣстная юридическая сфера, въ которой онъ дѣйствуетъ по самоопредѣленію, въ которую государство не можетъ вторгаться безъ особеннаго повода. Это направленіе не принадлежитъ одной какой-нибудь школѣ, не можетъ быть названо случайнымъ, но высказывается въ большей или меньшей степени и послѣдовательно всѣми писателями Англіи, Франціи и Германіи, отъ половины XVII до конца XVIII вѣка. Ученики Бэкона и Декарта въ этомъ отношеніи мало различаются между собою; вездѣ политическая философія проникнута однимъ началомъ, преслѣдуетъ одну душевную мысль и стремится къ однимъ неизбѣжнымъ выводамъ. Такая замѣчательная стройность, такое удивительное согласіе имѣетъ свои внутреннія причины; онъ кроется въ самомъ духѣ и характерѣ европейскихъ народовъ.

Чувство личности, какъ мы видѣли, было врождено Германцамъ; они принесли его съ собою на римскую почву и сохранили это качество на всѣхъ ступеняхъ гражданскаго быта. Новыя государства были основаны на началахъ автономіи; даже феодальныя учрежденія не могли подавить самостоятельности и произвели только политическое раздробленіе, партикуляризмъ. Всѣ завоеванія, всѣ формы, враждебныя независимости народовъ и отдѣльных лицъ, сокрушились; при первомъ удобномъ случаѣ она предъявляла свои притязанія. То, что обнаружилось въ рели-

ти, въ законахъ, въ обычаяхъ, во всей общественной жизни, должно было высказаться въ мысли. Между тѣмъ какъ въ древней философіи господствовало *объективное* направленіе, новая приняла за исходный пунктъ *субъективный разумъ*, начала свои изслѣдованія съ отдѣльнаго человѣка, поставила первую задачею опредѣлить его способности, волю и отношенія къ внѣшнему міру. Такимъ образомъ и въ политическихъ наукахъ личность прежде всего выступила впередъ съ своими требованіями, возвысилась надъ государствомъ, даже отрѣшилась отъ положительнаго закона и, опираясь на естественное право, защищала свою свободу до тѣхъ поръ, пока не измѣнила стараго, основаннаго на силѣ и преданіи порядка. Въ этомъ собственно состоитъ призваніе политической философіи XVII и XVIII вѣка, ея сила и слабость. Она вырабатывала идею личности, отчасти при помощи опыта, но болѣе путемъ отвлеченныхъ выводовъ, и отстаивала ее съ жаромъ, съ увлеченіемъ, до послѣдней крайности. Рационализмъ сначала высказался робко, сомнѣніемъ, долго имѣлъ отрицательный характеръ, то-есть признавалъ только то, что соотвѣтствовало опредѣленіямъ разума, отвергая все, ему противорѣчащее, но потомъ дошелъ до положительнаго воззрѣнія, до «категорическихъ повелѣній» Канта, призналъ разумную связь предметовъ видимаго міра, выводилъ одинъ законъ изъ другаго, какъ логическую необходимость, и наконецъ стремился разрѣшить всякое бытіе въ мысли.

Движеніе рационализма составляетъ неоспоримый прогрессъ въ развитіи человѣческаго духа. Этимъ путемъ добыты блистательные результаты въ жизни и наукѣ, именно высокое уваженіе къ личности во всѣхъ ея видахъ, освобожденіе человѣка отъ внѣшнихъ узъ, скованныхъ насиліемъ и произволомъ, независимость труда и собственности, господство разума въ общественныхъ отношеніяхъ, гражданское равенство передъ закономъ и передъ судомъ. Но, какъ всякое исключительное направленіе, рационализмъ не остановился на спасительной срединѣ, переступилъ границы умѣренности, оторвалъ человѣка отъ всего положительнаго, отвергъ все сверхчувственное, неосязательное, подрылъ въ основаніи то, чего не могъ понять въ самомъ существѣ, и привелъ своихъ поклонниковъ къ эмпиризму или къ резонерству. Первое направленіе господствовало, начиная отъ

Локка, въ Англіи и Франціи; второе—въ Германіи, гдѣ, со временъ Лейбница, заботились болѣе всего о томъ, что бы согласить бытіе съ мыслию, и гдѣ наконецъ Фихте построилъ цѣлый міръ изъ человѣческаго я.

Таковъ общій характеръ раціональной философіи! Мы можемъ опредѣлить теперь ея достоинство и недостатки въ частности. Что касается формы и способа изложенія, писатели разсматриваемаго періода стоятъ далеко выше своихъ предшественниковъ, отличаются ясностію, читаются легко, говорятъ общедоступнымъ языкомъ, привлекательно, даже щеголевато. Метода ихъ имѣетъ несомнѣнное, рѣшительное преимущество надъ прежнею; Боденъ, Маріана, де-Гротъ, кажутся безобразными и неодолимыми сравнительно съ публицистами XVIII вѣка. Въ систематикѣ науки они также сдѣлали большіе успѣхи; предметы у нихъ расположены стройно и послѣдовательно. Правда, у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ философовъ сильно проглядываетъ педантизмъ; они сухи, растянуты, безъ нужды впадаютъ въ дробность и мелочность; но этотъ упрекъ наиболѣе относится къ Вольфу и его послѣдователямъ. Наконецъ, одна изъ важныхъ заслугъ раціоналистовъ состоитъ въ раздѣленіи науки на части и въ самостоятельной разработкѣ каждой изъ нихъ. Они разрушили прежнее единство морали, права и политики, и дали каждой отрасли знанія свое мѣсто. Такое отдѣленіе конечно имѣло свои невыгоды, привело къ нѣкоторымъ несообразностямъ и противорѣчіямъ, но оно было необходимо. Чѣмъ болѣе публицисты вдавались въ спеціальность, чѣмъ глубже исчерпывали содержаніе предмета, тѣмъ скорѣе добывали основательные результаты. Правда, они не заботились о примиреніи и гармоническомъ сочетаніи идей, но этого можно было достигнуть въ послѣдствіи. Признавая, однакоже, всѣ упомянутыя достоинства, должно согласиться, что немногіе писатели этого времени отличаются истинно серьезнымъ направленіемъ и научнымъ способомъ изложенія. Такъ-называемые философы, особенно энциклопедисты, поверхностны, любятъ громкую фразу, гоняются за эффектомъ до такой степени, что приносятъ ему въ жертву мысль, довольствуются вмѣсто доказательствъ частными, незначительными примѣрами, болѣе увлекаютъ своимъ остроуміемъ, чѣмъ питаютъ любознательность, трогаютъ самые капитальные вопросы слегка, отдѣ-

лываются шутками или насмѣшками вмѣсто изслѣдованія. У нѣмецкихъ публицистовъ другая крайность: ихъ сочиненія носятъ преимущественно компендіарный характеръ; они заняты болѣе методою и внѣшнею округленностью формъ, чѣмъ внутреннею отдѣлкою. Наконецъ, и тѣ и другіе часто вдаются въ безплодное резонерство.

Относительно *содержанія*, мы уже замѣтили въ чемъ состоятъ главные достоинства и недостатки политической философіи этого періода. Она сильна своимъ воззрѣніемъ на человѣческую личность, на ея права и требованія. Никто изъ прежнихъ писателей не ратовалъ съ такою смѣлостью и съ такимъ успѣхомъ за гражданскую самостоятельность и независимость. Англійскіе публицисты XVII вѣка были первыми ея защитниками. Въ XVIII столѣтіи эта цѣль преслѣдуется еще сознательнѣе, систематически, съ энергіею и энтузіазмомъ. Всѣ лучшіе умы переходятъ на сторону человѣка, вступаютъ за него въ борьбу съ государствомъ, принимаютъ начало свободы за коренной законъ общественной жизни, расширяютъ индивидуальныя права до послѣднихъ границъ и смотрятъ подозрительно на всякое стѣсненіе личной дѣятельности. Къ несчастію, на континентѣ эта борьба велась съ такимъ ожесточеніемъ и упорствомъ, что объ умѣренности и уступкахъ не могло быть рѣчи. Публицисты, видя невозможность преобразованій и коснѣніе общества въ старыхъ формахъ, предъявили исключительныя, одностороннія притязанія толковали только о правахъ, не упоминая объ обязанностяхъ человѣка. Идея свободы приняла у нихъ отрицательный смыслъ; они искали ее не въ государствѣ, а въ естественномъ состояніи, дѣйствительность котораго подлежала сомнѣнію, и потому ловили призраки, обманывали себя и другихъ. Публицисты вообразили, что защищая равенство, они защищаютъ свободу, а потому преслѣдовали всякое, даже естественное различіе состояній, принимали сословіе за касту и смѣшивали поземельную аристократію съ придворнымъ дворянствомъ. Отсюда произошли очень вредныя послѣдствія въ самой практикѣ, чего, разумѣется, не ожидали философы. Съ паденіемъ общинъ и корпорацій, рушились преграды, противопоставленныя централизціи, государство сдѣлалось всемогущимъ и не встрѣчало такого сопротивленія въ разрозненныхъ массахъ, какъ преждевѣ-

тѣсныхъ соединеніяхъ, проникнутыхъ однимъ духомъ, одними интересами и чувствомъ политическаго достоинства. Короче сказать, человѣческая личность была оторвана отъ связей, которыя создаются закономъ подъ вліяніемъ историческихъ условій въ общественной жизни, и оставлена безъ внѣшней, видимой опоры. Это обнаружилось въ эпоху французской революціи: гражданское равенство осуществилось, но не могло остановить деспотизма; самыя рѣзкія мѣры противъ имущества и свободы частныхъ лицъ были приняты безъ оппозиціи со стороны народа. Сословія были разбиты и не защищали своихъ членовъ.

Если такимъ образомъ, при опредѣленіи правъ человѣка, философія XVIII столѣтія высказала нѣсколько односторонній, болѣе отрицательный взглядъ, тѣмъ менѣе она кажется удовлетворительною въ понятіяхъ о государствѣ. Теорія договора не выдерживаетъ критики: политическій союзъ обыкновенно вырабатывается самъ собою, въ силу внутренней своей необходимости; онъ основанъ не на контрактѣ, но на правѣ, укрѣпленъ не частною сдѣлкою, отъ которой можно отступить, но самою природою, которая дала отдѣльнымъ племенамъ и лицамъ общественный разумъ и невольный инстинктъ соединенія; въ государствѣ конечно признаются извѣстныя личныя гарантіи (*garanties personnelles*), обезпечиваются частныя и политическія права подданнымъ, но это не касается его основы, а относится къ его формѣ, къ его развитію, къ устройству. Цѣлью государства публицисты тогдашняго времени считали безопасность и благо; но въ первомъ случаѣ для людей достаточно было бы заключить простой оборонительный союзъ; понятіе же о благѣ и счастіи такъ неопредѣленно, что на практикѣ оказывается совершенно загадочнымъ, а иногда опаснымъ. Если бы философы изучили основательно исторію, они бы пришли къ другимъ результатамъ. Но, къ удивленію, имъ даже не приходило въ голову, что характеръ государства измѣняется, смотря по положенію общества, что есть разница между обществомъ и государствомъ. Они судили съ отвлеченной точки зрѣнія.

Но въ особенности слаба философія XVIII столѣтія въ ученіи объ управленіи государственномъ. Здѣсь неопытность и отсутствіе практическаго смысла слишкомъ замѣтны даже у лучшихъ писателей. Только въ Англіи была признана живительная сила мѣстнаго самоуправленія (*local selfgovernment*); напротивъ на

континентъ это начало почти не имѣло защитниковъ; бѣольшая часть публицистовъ склонялась въ пользу централизаціи и бюрократіи, или по крайней мѣрѣ не видѣла ясно возможности другаго порядка. Всѣ жаловались на злоупотребленія администраціи, но не находили средства устранить ихъ. Здѣсь лучшимъ учителемъ всегда былъ опытъ, котораго, къ несчастію, не доставало философамъ; они не знали вовсе практической жизни.

Но если рационализмъ не выработалъ органической системы управленія, за то поднялъ капитальные вопросы государственной экономіи. Въ этомъ отношеніи заслуги его неоспоримы. Матеріальная сторона общественной жизни была почти не тронута наукою до половины XVII вѣка, и казалась темною, загаочною. Между тѣмъ развитіе промышленности и торговли открыло верховной власти новые источники доходовъ; съ другой стороны, безпрестанныя войны требовали денежныхъ средствъ, предусмотрительности и порядка въ распоряженіи вещественными силами націи. Поэтому финансы начали играть важную роль въ политикѣ, и привлекли къ себѣ общее вниманіе. Къ сожалѣнію, первые публицисты, разрабатывая этотъ предметъ, слѣдовали рутинѣ, раздѣляли всѣ предрассудки меркантилизма, и хотѣли начертать систему государственнаго хозяйства, прежде чѣмъ поняли причины народнаго богатства. Такая ошибочная, превратная метода оказалась, какъ и должно было ожидать, несостоятельною. Не ранѣе, какъ съ половины XVIII столѣтія, то-есть съ физіократовъ, началось болѣе правильное построеніе науки. Впрочемъ и они не успѣли для нея многого сдѣлать. Собственно говоря, честь основанія общественной экономіи принадлежитъ шотландской философіи: одинъ изъ лучшихъ ея представителей, Адамъ Смитъ, въ первый разъ изложилъ стройную и цѣлостную теорію труда, и вывелъ законы, которыми могли руководствоваться правительства въ дѣлахъ народной промышленности и финансовъ. Происхожденіе этой новой отрасли знанія само по себѣ есть великое событіе; ей преимущественно Европа обязана разрушеніемъ патримоніальнаго и феодальнаго государства: экономисты вполне доказали, что оно противодѣйствуетъ общественному благосостоянію. Дальнѣйшая разработка этой науки привела къ новымъ результатамъ относительно внутренней и внѣшней политики, о которыхъ мы скажемъ въ послѣдствіи.

Изъ этого разбора видно, что философія XVII и XVIII столѣтій, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не свободна отъ увлеченій и ошибокъ. Мы старались, сколько возможно, быть безпристрастными, и не скрывали отъ читателя, что многіе публицисты преслѣдовали ложныя идеи, и вдалились въ крайности, что нѣкоторые, забывъ свое призваніе, становились даже орудіями политическихъ страстей. Послѣдніе, конечно, вполне достойны строгаго суда, произнесеннаго надъ ними исторіею. Но, къ удивленію, многіе критики настоящаго времени не отличаются большою справедливостію и разборчивостію при оцѣнкѣ отжившихъ двигателей цивилизаціи. До сихъ поръ еще часто приходится читать и слышать безпощадные поголовные приговоры надъ всѣми писателями пройденнаго періода. На нихъ преимущественно возводятъ отвѣтственность за несчастныя событія, которыми сопровождалась французская революція, за преслѣдованія и казни конвента, за всѣ смуты и войны, происшедшія въ Европѣ послѣ 1793 года. Такое универсальное обвиненіе требуетъ отвѣта; оно обыкновенно дѣлается съ цѣлью заподозрить государственныя науки въ глазахъ правительствъ и народовъ, заклеить публицистовъ именемъ демагоговъ; печальные результаты философіи XVII и XVIII вѣковъ, по словамъ защитниковъ невѣжества, доказываютъ опасность и вредъ гражданскаго просвѣщенія.

Мы сказали уже, что зародыши новой политической философіи заключаются въ самомъ духѣ европейскихъ народовъ. Она вышла непосредственно изъ требованій жизни, была подготовлена предшествующими событіями, и явилась естественнымъ, необходимымъ орудіемъ гражданскаго прогресса. Раціонализмъ поставилъ своею задачей поднять личность, возвратить ей то значеніе, которое она должна имѣть въ христіанскомъ обществѣ, и которое утратила въ бурную эпоху среднихъ вѣковъ, подъ гнетомъ феодальныхъ учрежденій, среди насилія и безначалія; этимъ объясняется необыкновенный успѣхъ, огромное вліяніе писателей XVII и XVIII вѣковъ на публику. Они были органами народныхъ стремленій, проводниками идей, коренившихся въ сознаніи общества, но не изобрѣтали теорій по произволу, а требовали реформъ, согласныхъ съ нуждами вѣка, вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни. Они дѣйствовали единодушно въ пользу постепенныхъ улучшеній, но не составляли между собою

заговора съ цѣлю ниспровергнуть существовавшій порядокъ; они вырабатывали разумныя начала гражданского строя мало-помалу, старались связать и примирить новое съ старымъ, и даже не предчувствовали такого быстрого, рѣшительнаго, повсемѣстнаго кризиса. Поэтому странно обвинять философію въ томъ, что будто она одна, своимъ гибельнымъ дѣйствіемъ, произвела всесокрушительный переворотъ. Демагогическія стремленія были ей чужды. Конечно, она дала свободное направленіе умамъ, новый взглядъ на жизнь, но не одобряла крутыхъ, насильственныхъ мѣръ, не проповѣдывала анархіи. Главныхъ причинъ французской революціи надобно искать глубже, именно въ самомъ обществѣ и въ исторіи. Еслибы феодальное государство отвѣчало политическимъ требованіямъ XVIII столѣтія, и имѣло опору въ сознаніи народовъ, то никакая умственная сила не могла бы подкопать его. Но оно давно отжило свой вѣкъ, и закоснѣло въ неподвижныхъ формахъ; учрежденія потеряли смыслъ, стали стѣнять дѣятельность частныхъ лицъ, и были полезны только привилегированному меньшинству. Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться безъ опасности для цивилизаціи; разрушеніе его сдѣлалось необходимымъ для Европы. Замѣчательно однакоже, что пока надежда на постепенное преобразование не была потеряна, философія не объявляла беспощадной, истребительной войны прошедшему. Только тогда, когда не осталось никакихъ средствъ для мирной, законной пропаганды идей, явились энциклопедисты и физіократы, и притомъ именно тамъ, гдѣ общество наиболѣе страдало отъ пагубной системы управленія, то-есть во Франціи. Напротивъ, въ тѣхъ государствахъ, развитіе которыхъ шло правильно, наука не только не разстраивала порядка насильственно, но содѣйствовала организаціи. Примѣромъ служить Англія. Здѣсь политическая философія явилась уже вслѣдствіе революціи, и въ лицѣ Локка много облегчила трудный исходъ кризиса 1688 года. Даже такъ-называемая разрушительная французская школа, при всѣхъ ея увлеченіяхъ, въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть названа анархическою; ея представители боролись съ исторіею, вели войну съ феодализмомъ, но не ратовали въ пользу безначалія, не одобряли междоусобія и гражданскихъ смутъ. Это было дѣломъ не публицистовъ, а демагоговъ, между которыми мы не находимъ ни одного имени, извѣстнаго въ наукѣ. Философія отвѣчаетъ только за

идеи своихъ учениковъ, но не за преступленія безумной толпы и ея предводителей. Энциклопедисты и физиократы не были защитниками кровопролитія, но единогласно возставали противъ смертной казни, противъ пытки, противъ изувѣчивающихъ и позорныхъ наказаній. Имъ обязана Европа уничтоженіемъ многихъ варварскихъ обычаевъ, оскорбительныхъ для христіанскаго міра, напримѣръ торго неграми; подъ ихъ вліяніемъ предприняты были великіе подвиги Говарда и Вильберфорса. Чтò же касается до главныхъ двигателей науки въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, они совершенно свободны отъ упрека въ прямомъ или косвенномъ посягательствѣ на спокойствіе общества: они могли, конечно, заблуждаться въ своихъ филантропическихъ порывахъ, но этого нельзя ставить въ вину друзьямъ человѣчества и просвѣщенія, врагамъ произвола и насилія. Критика должна отличать ошибки писателей отъ злаго умысла демагоговъ.

Итакъ, изучая безпристрастно политическую философію отъ Бэкона и Декарта до Канта, не трудно понять, что взводимыя на нее обвиненія преувеличены и несправедливы. Мы бы могли еще болѣе распространиться объ этомъ предметѣ, но чтобы не утомить читателей повтореніями, ограничимся самыми общими замѣчаніями относительно обскурантизма. Они достаточно говорятъ противъ тѣхъ людей, которые находятъ государственныя науки опасными и вредными для общества.

Цѣль политическаго писателя есть народное благо, миръ и гармонія. Онъ не можетъ не сочувствовать порядку; его призваніе состоитъ въ томъ, чтобы развивать гражданскій духъ и способствовать по мѣрѣ силъ спокойному, разумному обсужденію общественныхъ вопросовъ; онъ дѣйствуетъ путемъ довода и соглашенія, а не путемъ насилія. Междоусобія и раздоры, какъ доказываетъ исторія, начались задолго до появленія науки, и свирѣпствовали особенно тамъ, гдѣ грубые порывы страстей не обуздывались никакими политическими убѣжденіями, гдѣ толпа была слѣпымъ орудіемъ фанатизма и корысти. Азія представляетъ на каждомъ шагѣ поразительные примѣры подобныхъ явленій: ея исторія наполнена кровавыми переворотами, хотя здѣсь никто не занимался философскимъ изслѣдованіемъ государства. Римская имперія разрушена не наукою; анархія среднихъ вѣковъ поднята не схоластиками. «Вообще политическія бури, какъ справедливо

замѣчаетъ Шмитгеннеръ, столько же зависать отъ публицистовъ, сколько землетрясенія и грозы отъ естествоиспытателей» (1). Еслибы посредствомъ ученыхъ сочиненій можно было по произволу создавать и разрушать государства, то конечно мы увидѣли бы много чудесныхъ явленій на землѣ: стоило бы только написать умный памфлетъ или дѣльный трактатъ о феодализмѣ, чтобъ упрочить его существованіе. Но власть публициста, даже самаго талантливаго, не простирается такъ далеко: правда, онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ много средствъ къ распространенію полезныхъ или вредныхъ идей, но какъ бы ни поддавались ему умы и сердца большинства, онъ не можетъ измѣнить естественный ходъ событий и передѣлать окружающее общество, а напротивъ, самъ подвергается его вліянію, сочувствуетъ его нуждамъ, страдаетъ его недугами, и болѣе или менѣе дѣлитъ съ нимъ одинаковую судьбу. Онъ — естественный проводникъ національных стремленій, необходимый органъ общественныхъ желаній, но не болѣе. Гдѣ существующій порядокъ достигаетъ своей цѣли и согласуется съ потребностями народа, тамъ, можно сказать навѣрное, не опасны никакіе политическіе писатели. Если люди довольны и счастливы, трудно доказать имъ противное. Но предположимъ даже, что управленіе извѣстнаго государства идетъ неудовлетворительно, что нація отъ него страдаетъ, и въ такомъ случаѣ изслѣдованіе недостатковъ принятой системы не повредитъ гражданскому строю: чтобъ исправить зло, надобно понять сначала, въ чемъ оно заключается, какія имѣетъ причины. Мракъ не исцѣлитъ общественныхъ ранъ, не скроетъ страданій политическаго организма, не притупитъ его чувствительности. Если человѣкъ не знаетъ, откуда происходитъ боль, онъ тѣмъ сильнѣе безпокоится, тѣмъ меньше даетъ себѣ отчета въ своей досадѣ, тѣмъ скорѣе обращаетъ злобу и месть на невинныя лица. То же бываетъ съ обществомъ: невѣжество не облегчить, а только усилить его страданія, сдѣлаетъ ихъ невыносимыми. Просвѣщеніе, напротивъ, объяснить свойства недуга и найдетъ, если возможно, способы врачеванія!..

«Но въ наше время, говоритъ лордъ Брумъ, едва ли нужно до-

(1) *Schmittgenner*, Zwölf Bücher vom Staate, oder Encyclopädie der Staatswissenschaften (Giessen, 1839), I, 113.

казывать серьезно пользу и важность политическаго просвѣщенія. Всѣ христіанскія государства сознають, что оно необходимо. Разумѣется, злоупотребленія возможны въ наукѣ въ такой же степени, какъ и въ религіи; но обскурантизмъ не предотвратитъ ихъ. Способность наблюдать и объяснять общественныя событія и жажда знанія врождена людямъ; уничтожить ее запрещеніемъ науки нельзя» (1). Тамъ, гдѣ нѣтъ гласности, гдѣ идеи не имѣютъ исхода, гдѣ граждане лишены всякихъ средствъ къ правильному политическому образованію, гдѣ нѣтъ естественныхъ проводниковъ національных стремленій, — народъ дѣлается добычею обманщиковъ и шарлатановъ, которые несравненно опаснѣе публицистовъ и легко ускользаютъ отъ всякой отвѣтственности передъ закономъ. Эти невѣжественные, доморощенные политики обыкновенно ведутъ подземную, разрушительную работу, и при всякомъ кризисѣ становятся руководителями толпы; они дѣйствуютъ не перомъ, но оружіемъ, не на общественное мнѣніе, а на низкія страсти. Подъ ихъ начальствомъ обыкновенно совершаются походы на торговцевъ хлѣбомъ во время дороговизны, на медиковъ во время повальной болѣзни, на машины, фабрики и т. д. Каждый согласится, что такіе подвиги не внушаются наукою, до какого бы односторонняго направленія она ни доходила. Гражданскій энтузіазмъ публициста не имѣетъ ничего общаго съ яростію фанатика и звѣрствомъ демагога.

(1) *Lord Brougham*, Discourse of the objects, pleasures and advantages of political science, edited by the Society for diffusion of useful knowledge (Knight's shilling series, pp. 167, 168). Эта замѣчательная рѣчь «О предметѣ и пользѣ политическихъ наукъ» помѣщена также въ «Политической философіи» лорда Брума, изданной Обществомъ распространенія полезныхъ знаній въ трехъ томахъ (London, 1853. Third edition).